

Е.Р. Тырина

Неожиданное издание (Б. Филиппов о книге А.А. Ахматовой)

В статье рассмотрены предполагаемые условия издания сборника А.А. Ахматовой «Из шести книг», изложенные в статье Б. Филиппова, в контексте публикаций сочинений поэта в советский период. Определены особенности идеологической и литературной позиции Филиппова.

Ключевые слова: А.А. Ахматова; Л. Гумилёв; Б. Филиппов; цензура; история публикаций.

Публикация и комментирование полного объёма сочинений А.А. Ахматовой остаётся одной из актуальных задач современного литературоведения — об этом пишут и исследователи, и издатели, уточняя, что до сих пор встречаются случаи искажения текстов. Не меньший интерес вызывает и история формирования архива, публикаций произведений поэта не только в России, но и за её пределами. В наши дни огромные тиражи сборников стихов и поэм в различных типах и видах изданий — закономерное явление литературного процесса, поддержанное читательским интересом. Однако так было не всегда. История публикаций произведений Ахматовой — драматичный, полный неожиданностей, домыслов, слухов, предположений сюжет, ещё не все события которого восстановлены.

Задача данной публикации — обратить внимание на малоизвестную статью, посвящённую неожиданному изданию сборника А. Ахматовой «Из шести книг» в 1940 году. Её автор Б. Филиппов (Филистинский) известен не только как поэт и писатель, но и как издатель, публиковавший сочинения русских опальных поэтов. В частности, им (совместно с Г. Струве) подготовлены тексты, составлены комментарии, написаны вступительные статьи к книгам А.А. Ахматовой, Н. Гумилёва, Н. Клюева, О. Мандельштама и др., выпущенным в американских и мюнхенском издательствах. Б. Филиппов одним из первых опубликовал и интерпретировал «Поэму без Героя» (в альманахе «Воздушные пути», 1961), чем оказал влияние на дальнейший творческий процесс, в частности, на фрагменты поэмы, созданные в 1962 году.

В 1941 году, вернувшись из лагерей Коми, где провёл пять лет (реабилитирован в 1995 году), Филиппов поселился в Новгороде, но продолжал поддерживать тесные отношения с бывшими членами религиозно-философского кружка, за участие в котором и был осуждён. В его статьях, публиковавшихся в 1940-е годы, рассказывается о событиях в литературной жизни тех лет и даются неожиданные трактовки, которые, возможно, являются отголосками

бесед с единомышленниками, рассказов очевидцев. Спустя 75 лет эта информация помогает если не установить фактическую основу исторических событий, то, по крайней мере, ощутить дух той эпохи, эмоциональный фон, на котором разворачивались напряженные события, те условия, в которых литераторам приходилось делать решающий выбор.

Нередко поэтическое творчество оказывается полем идеологических столкновений. Так случилось и с А.А. Ахматовой, которую не раз подвергали цензурной правке, запрещали и не публиковали. Как известно, в послереволюционный период Ахматова находилась в сложной ситуации: «С середины двадцатых годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать», — именно так Ахматова написала в автобиографической заметке «Коротко о себе» (1965) [3].

Хронология изданий Ахматовой выглядит таким образом: в марте 1912 года вышла в свет её первая книга — «Вечер»; через два года (1914) был опубликован второй сборник «Чётки»; в 1917 году появилась третья книга — «Белая стая». До Октябрьской революции книги А. Ахматовой не подвергались цензуре [11: с. 174–191]. В 1921 году, также не пострадав от цензуры, были напечатаны «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI». В этих двух сборниках прочитывались вызов новому режиму, прощание с эпохой, плач по Н. Гумилёву и А. Блоку [10: с. 174–191].

В 1922 году в Берлине вышло второе издание «Anno Domini» (с укороченным названием). В России она не была напечатана из-за типографских трудностей. В книге появился раздел «Новые стихи», а первым стихотворением сборника стало «Согражданам» (1919); вторым же шло «Предсказание» (1922), которое условно можно интерпретировать как умозрительный диалог с расстрелянным Н. Гумилёвым. В тех экземплярах, которые попали на родину, первые страницы были вырезаны. Можно сделать вывод о том, что начиная с 1922 года книги Ахматовой стали подвергаться цензурной правке.

В своих записных книжках Анна Андреевна писала: «То, что там были стихи, ненапечатанные в СССР, стало одной третьей моей вины, вызвавшей первое пост<ановление> обо мне (1925)...» [6: с. 378–379]. Другой причиной, вызвавшей постановление, по мнению А. Ахматовой, была статья К.И. Чуковского «Ахматова и Маяковский» [12: с. 23–42] (1921). Чуковский писал о творчестве А. Ахматовой как о «синтезе стихий», в котором сочетаются дореволюционная и революционная эпохи. Ещё одной причиной постановления 1925 года Ахматова считала своё выступление в Москве на вечере «Русского современника», где прочла «Новогоднюю балладу» (17 апреля 1924 г.). «Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на лит<ературные> вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг<инян>. Она сказала: “Вот вы какая важная особа. О вас было пост<ановление> ЦК: не арестовывать, но и не печатать”»)» [6: с. 378–379]. Как предполагают исследователи, имелось в виду «какое-то решение ленинградских партийно-административных органов» [13: с. 456]. Во всяком случае, она всегда считалась поэтом, чуждым

официальной идеологии. «Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно. Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти» [6: с. 378–379], — вспоминала А.А. Ахматова в 1960 году, составляя список своих уничтоженных и запрещённых книг. Из них можно было бы подготовить ещё одно собрание сочинений.

Только в 1939–1940 годах произошло потепление в отношениях власти к поэту: в ряде журналов были опубликованы отдельные стихотворения, а в 1940 году неожиданно опубликован сборник «Из шести книг» [7]. История этого издания (за которым читатели стояли в книжных магазинах в огромных очередях) обросла легендами, в которые трудно не поверить. Одна из версий впервые освещена Б. Филипповым в 1943 году в статье «Как напечатали Анну Ахматову» [9: с. 2]. Опубликована она была в двух газетах: «За Родину» в Пскове и «Русское дело» в Белграде. Статья любопытна ещё и тем, что в ней затронуты мало кому известные в то время факты жизни самых близких Ахматовой людей. В качестве эпиграфа к своей статье Филиппов выбирает строки из поэмы «Реквием», а именно из седьмой её части «Приговор»:

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

Напоминая читателям о тяжёлой судьбе известного поэта, Б. Филиппов выделяет два трагических эпизода: расстрел её бывшего мужа — Н.С. Гумилёва и арест сына — Л.Н. Гумилёва. О причинах ареста Филиппов рассказывает не просто подробно, но как хорошо осведомлённый человек.

В университете на одной из лекций по новой русской поэзии, которые читал известный литературовед Лев Пумпянский, произошла скандальная история. Лектор позволил себе иронично отозваться о Н. Гумилёве, утверждая, что тот никогда не был в Африке. Пренебрежительно высказался и об А. Ахматовой. Студент Л. Гумилёв, присутствовавший на лекции, громко возразил. Его мнение для студентов, знавших (в отличие от лектора), что он сын выдающихся поэтов, оказалось более убедительным, чем поверхностные высказывания преподавателя. Инцидент завершился для Гумилёва печально: доносом в органы, арестом и ссылкой в лагерь. Широкой публике эта история стала известна много лет спустя. Об этом Л. Гумилёв расскажет в своих воспоминаниях [5: с. 202–216], многие его сокурсники припомнят в мемуарах этот эпизод и поведение каждого из его участников [4].

Сборник стихотворений «Из шести книг» вышел в издательстве «Советский писатель» в Ленинграде, как объясняет Филиппов, следующим образом. Дочь Сталина Светлана, читая стихи Ахматовой, удивилась при отце тому, что её книги нельзя найти в библиотеках. Светлана прочитала Сталину «одно из сравнительно нейтральных стихотворений». По звонку самого Сталина в тот же день к поэтессе пришел издательский служащий

с предложением издать её сочинения. За подготовку нового сборника Ахматовой пообещали хороший гонорар, переезд в лучшую квартиру. «И пожалуйста: распишитесь в получении маленького задатка. Не трудитесь считать: здесь ровно 10.000» [9: с. 2], — сказал человек из издательства. Поэтесса, недоумевая, согласилась. Конечно, точность деталей вызывает сомнения. Нам удалось найти только косвенные свидетельства в пользу высказанной версии в книге С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Дочь Сталина, действительно, знала и любила стихи Ахматовой. В её воспоминаниях описано следующее: в октябре 1942 года она познакомилась с А.Я. Каплетром (он в её книге именуется Люсей): «Люся приносил мне книги: “Иметь и не иметь”, “По ком звонит колокол” Хемингуэя, “Все люди — враги” Олдингтона. Он давал мне “взрослые” книги о любви, совершенно уверенный, что я все пойму. Не знаю, все ли я поняла в них тогда, но я помню эти книги, как будто прочла их вчера... Огромная “Антология русской поэзии от символизма до наших дней”, которую Люся подарил мне, вся была испещрена его галочками и крестиками около его любимых стихов. И я с тех пор знаю наизусть Ахматову, Гумилева, Ходасевича... О, что это была за антология, — она долго хранилась у меня дома и в какие только минуты я не заглядывала в нее...» [2]. Упомянутая антология была издана в 1925 году. В неё вошли стихотворения А. Ахматовой разных лет, ранее напечатанные в сборниках «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI». Таким образом, некоторая доля вероятности происшедшего, обусловленная полным произволом в литературных оценках и в издательской политике властей, подтверждается.

О том, что издание было «случайным», говорит и тот факт, что вскоре после выхода книги «беспечные редакторы» понесли наказание. Были опубликованы отрицательные рецензии, книгу приказали изъять из обращения, но она уже была распродана. Официальная критика оценила стихи Ахматовой как глубоко чуждые советской идеологии, упадочнические. Сама Анна Андреевна часто вспоминала об истории выхода сборника «Из шести книг», задумываясь не столько о мотивах издания, сколько о причинах неприятия своей поэзии партийным руководством.

Оба эпизода из жизни членов семьи Ахматовой не были в свое время достоянием гласности, и только в конце XX – начале XXI века подтверждены опубликованными документами. Каким образом Б. Филиппов мог узнать детали происшествий в самых высших сферах? Ведь во время выхода статьи «Как напечатали Анну Ахматову» (1943) он жил в Новгороде. После освобождения из лагеря в 1941 году он жил здесь до 1944 года, до эвакуации в Германию вместе с другими беженцами [1: с. 637]. Не совсем понятно, откуда автор получил точную информацию для своей статьи. Он упоминает такие подробности, которые могли быть известны только очень узкому кругу лиц. Возможно, он действительно вращался в «литературных кругах Питера», следовательно, нарушал запрет о въезде в крупные города, так как был выслан за «сто первый

километр» и располагал, так сказать, «устными» сведениями. Но есть предположение и о «письменной информации», т. е. секретной документации, которая оказалась доступна газетчику. Возможно, это были архивы тех органов, которые производили аресты. Так, в одном из исследований, посвящённых военному периоду и истории русского зарубежья, недвусмысленно утверждается, что тем, кто публиковался в изданиях оккупантов, открывали доступ ко всем секретным материалам [8]. Особый интерес в этом случае представляли как раз опальные советские поэты и писатели, осуждённые официальной партийной критикой.

Таким образом, временная ретроспектива показывает, как сложилась противоречивая с морально-нравственной точки зрения ситуация: только во враждебном печатном органе оказалось возможным обнародовать весьма значительные факты из общественной и литературной жизни. Субъективность и произвол, келейность решений в оценке литературных явлений, атмосфера секретности, характерные для советского времени, соединяясь с личным, крайне негативным жизненным опытом журналиста — арест, ссылка — оказывались своеобразным оправданием (или его иллюзией) деятельности Б. Филиппова, с одной стороны, рассказывающего о проблемах русской литературы, а с другой — этими рассказами компрометирующего советскую официальную политику в области литературы. Так обращение к забытым (по разным причинам) материалам помогает выявить важные историко-литературные аналогии, на значение которых не однажды указывали исследователи [10: с. 13].

Библиографический список

Источники

1. Агеносов В.В. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 736 с.
2. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М.: Сов. писатель, 1990. 216 с.
3. Ахматова А.А. Избранное / сост., авт. примеч. И.К. Сушилиной. М.: Просвещение, 1993. 320 с.
4. Гумилев Л. Автобиография. Автонекролог // Лев Гумилев: Судьба и идеи / С.Б. Лавров и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2007. 608 с.
5. Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216.
6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 873 с.
7. Из шести книг. Стихотворения Анны Ахматовой. Л.: Сов. писатель, 1940. 238 с.
8. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 544 с.
9. Филистинский Б. Как напечатали Анну Ахматову // Русское дело. Белград, 1943. № 17. 26 сент. 2 с.

Литература

10. Романова Г.И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуanine в 1920-е гг.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 8–15.

11. *Рубинчик О.* Анна Ахматова и советская цензура // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения: сб. науч. ст. СПб.: СПГУТД, 2005. С. 174–191.
12. *Чуковский К.И.* Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. № 1. С. 23–42.

Справочные и информационные издания

13. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М.: МФД, 1999. 868 с.

References

Istochniki

1. *Agenosov V.V.* Vostavshie iz neby'tiya. Antologiya pisatelej Di-Pi i vtoroj emigracii. M.: AIRO-XXI; SPb.: Aletya, 2014. 736 s.
2. *Allilueva S.* Dvadczat' pisem k drugu. M.: Sov. pisatel', 1990. 216 s.
3. *Axmatova A.A.* Izbrannoe / sost., avt. primech. I.K. Sushilina. M.: Prosveshhenie, 1993. 320 s.
4. *Gumilev L.* Avtobiografiya. Avtonekrolog // Lev Gumilev: Sud'ba i idei / S.B. Lavrov i dr. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Ajris-press, 2007. 608 s.
5. *Gumilev L.N.* Biografiya nauchnoj teorii, ili Avtonekrolog // Znamya. 1988. № 4. S. 202–216.
6. Zapisny'e knizhki Anny' Axmatovoj (1958–1966). M.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 873 s.
7. Iz shesti knig. Stixotvoreniya Anny' Axmatovoj. L.: Sov. pisatel', 1940. 238 s.
8. *Kovalev B.N.* Nacistskaya okkupacija i kollaboracionizm v Rossii. 1941–1944. M.: AST, Tranzitkniga, 2004. 544 s.
9. *Filistinskij B.* Kak napechatali Annu Axmatovu // Russkoe delo. Belgrad, 1943. № 17. 26 sent. 2 s.

Literatura

10. *Romanova G.I.* Metodologicheskie problemy' izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 8–15.
11. *Rubinichik O.* Anna Axmatova i sovetskaya cenzura // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya: sb. науч. st. СПб.: SPГУТД, 2005. S. 174–191.
12. *Chukovskij K.I.* Axmatova i Mayakovskij // Dom iskusstv. 1921. № 1. S. 23–42.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

13. Vlast' i xudozhestvennaya intelligenciya: documenty' CK RKP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 gg. M.: MFD, 1999. 868 s.

E.R. Tyrina

An Unexpected Edition (B. Filippov about a Book of A. Akhmatova)

The article deals with the assumed release conditions of A.A. Akhmatova's poem collection «From Six Books», which were enounced by B. Filippov, in the context of publication of the poet's works s in the soviet period. It also identifies the particularities of Filippov's ideological and literary viewpoint.

Keywords: A.A. Akhmatova; L. Gumilyov; B. Filippov; censorship; publication history.